

Citation:

Руденко, Е. Н. (2019). Мотивационные модели названий интеллектуальных процессов и свойств (на материале восточнославянских языков). *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 54. <https://doi.org/10.11649/sfps.1773>

Rudenko, E. N. (2019). Motivatsionnye modeli nazvanii intelektual'nykh protsessov i svoistv (na materiale vostochnoslavianskikh iazykov). *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 54. <https://doi.org/10.11649/sfps.1773>

DOI: 10.11649/sfps.1773

Елена Н. Руденко
(Белорусский государственный университет, Минск)

Мотивационные модели названий интеллектуальных процессов и свойств (на материале восточнославянских языков)

В последние десятилетия когнитивная лингвистика часто наращивает свою объяснительную силу путем привлечения арсенала лингвистики диахронической.

Один из представителей немецкой школы когнитивной лингвистики Олаф Йекель пишет:

Когнитивно-семантические исследования метафоры показывают, что в истории развития языков большинство метафорических переносов значения не являются изолированными, отдельными случаями, а самым очевидным образом указывают на систематическое взаимодействие посредством метафоры между целыми концептуальными областями. Именно поэтому когнитивный подход к метафоре только выигрывает от диахронической проекции (Jäkel, 1997, сс. 2–3).

Высказанная выше мысль наилучшим образом демонстрируется при систематическом обследовании обширного фактического материала.

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2019.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk]

Иллюстративным материалом данной статьи послужили 650 старобелорусских (= староукраинских)¹ и по 850 современных белорусских и украинских лексем-обозначений когнитивных процессов, явлений и характеристик, привлекался также соответствующий русский языковой материал. Отбирались только лексемы первой словообразовательной ступени, например: рус. *ум*, бел. *ведаць*, укр. *думати*. Очевидным образом впоследствии из мотивационного анализа были исключены заимствования, дериваты заимствований и кальки.

Изучение способов мотивации слов с семантикой когнитивных процессов, явлений и характеристик старобелорусского и современного белорусского и украинского языков показывает, что такие обозначения образованы преимущественно различными способами метафоризации: об этом говорит их подавляющее преобладание по сравнению со словами с первичной «когнитивной» семантикой. Последние – это дериваты нескольких праславянских корней: **тъпн-*; **ро-тъпн-*; **mysl-*; **mōdr-* (все восходят к одному индоевропейскому корню **men-/m̥n̥-*); **ищ-*; **tьlk-*; **mer-*; **čit-*. Как правило, все они обозначают ключевые понятия избранной сферы лексики и мало изменились на протяжении своего развития.

Большую же часть «интеллектуальной» лексики составляют вторичные обозначения. Те же выводы релевантны и для русского языка на разных этапах развития.

При сходстве в целом объемов рассматриваемых лексико-семантических полей в *ruthenische Sprache* и современных белорусском и украинском языках имеется, однако, существенное различие в количестве таких лексем в языках XIV–XVII вв. и XX в. Это объясняется рядом причин: стремлением к дифференциации понятий в современных языках, ограниченным количеством памятников письменности в рутенском языке, неактуальностью некоторых понятий для языка XIV–XVII вв. (например, «интеллектуальное состояние»).

Наиболее распространенной мотивацией вторичных обозначений когнитивных понятий является семантика восприятия органами чувств (порядка 50 лексем *ruthenische Sprache* и по столько же современных бело-

---

¹ Старобелорусский и староукраинский язык мы рассматриваем как один и тот же язык, во всяком случае, в письменном варианте, с диалектными различиями, несущественными для нашего исследования. Условно назовем этот язык Великого княжества Литовского рутенским, или «простой мовой».

русских и украинских лексем). Многочисленность случаев пополнения «интеллектуальной» лексики обозначениями перцептивного восприятия свидетельствует о близости данных концептуальных сфер.

Следствием этого является постоянный, от древнейших времен до наших дней, переход слов с семантикой чувственного восприятия в круг интеллектуальных обозначений; отсутствие серьезных отличий в количестве и конкретных способах мотивации слов с «когнитивным» значением в современных восточнославянских и рутенском языках; наличие слов с древним единым перцептивно-рациональным значением (см. совр. бел. *ведаць* < ст.-бел. *ведати* < праслав. *vědati ‘знать’, связанное чередованием гласных с *videti ‘видеть’ (Фасмер, 1986, с. 137), номинация центральных понятий интеллектуальной сферы обозначениями чувственных восприятий (см. совр. бел., совр. укр. *розум* < ст.-бел. *розумъ* < *умъ* < праслав. *итъ < и.-е. *ou-tos > хеттск. *ai-*, *aiš-* ‘видеть’ [Трубачев, 1959, сс. 154–157]). Наиболее тесно связаны значения ‘чувствовать’ и ‘запоминать’, ‘узнавать’, ‘понимать’ как объединенные общей семей «приятие», например, совр. бел. *улавіць*, совр. укр. *уловити* ‘услышать’, ‘увидеть’ – ‘понять’.

Рациональное мышление, тесно связанное с чувственным, связано и с психо-эмоциональной сферой. Следствием этого является частое отсутствие дифференциации этих семантических сфер в словарях. Наиболее часто значениями данной сферы мотивируются обозначения интеллектуального состояния. Слов, мотивированных семантикой психо-эмоциональной сферы, больше в современных языках (15 лексем в официальном языке Великого княжества Литовского, 35 современных белорусских лексем и 39 современных украинских), поскольку понятие интеллектуального состояния неактуально для языка XIV–XVII вв., о чем уже говорилось выше. Кроме того, конкретные способы, которыми такие лексемы образованы, получили более широкое распространение в новый период развития языка. Ниже представлены некоторые из наиболее распространенных семантических переносов. ‘Помешанный’ → ‘глупый’: ст.-бел. *шаленый* > совр. бел. *шалёны*; совр. укр. *дурний*, *дурноверхий*; ст.-бел. *буйный*, *буйний*; см. также ряд современных обозначений психических заболеваний, в разговорной речи развивающих значение ‘дурак’: бел. *варят*, *дэбіл*, *ідыёт*, *псіх*, *шыз*; совр. укр. *дурень*, *дебіл* и под.; антонимичный пример – это ст.-бел. *тверезый* > совр. бел. *цвярозы*; совр. укр. *тверезий*; ‘трезвый, не одурманенный вином’ → ‘рассудительный, разумный’: ‘находиться в ненормальном, неконтро-

лируемом психическом состоянии' → 'сходить с ума': ст.-бел. *шалети* > совр. бел. *шалець*; совр. укр. *чманіти*, *чуманіти*, *шаленіти*, *скаженіти*; совр. бел. *вар'яцець*, *чмурэць*, *чумець*; совр. укр. (обезуметь) *збожеволіти*, *здуріти*, *знавісніти*, (тронуться умом) *стерятися*; антонимичный пример – ст.-бел. *очкнути ся* 'выйти из состояния сна, полузабытья' → 'одуматься'; '(отрицательно) воздействовать на психику' → 'дурачить, (отрицательно) воздействовать на интеллектуальные способности': совр. бел. *дурманіць*, *тлуміць*, *чмуціць*, *чмурыць*; совр. укр. *дуріти*, *дурманити*, *паморочити*, *запаморочувати*, *задурювати*.

Те же модели развития значения характерны и для русского языка, см. совр. рус. *сумасшедший*, *псих*, *дебил* в значении 'дурак'; *ошалеть* 'сойти с ума', *дурить* 'дурачить' и под.

Таких лексем меньше, чем обозначений с исходной семантикой чувственного восприятия. Это обусловлено степенью осознанности тех или иных реалий носителями языка, в данном случае осознанием неконтролируемых психо-эмоциональных и контролируемых рациональных процессов (перцептивных и когнитивных) как отдельных.

Интеллектуальные обозначения с исходной семантикой движения распространены и в современных украинском и белорусском языках, и в старобелорусском языке (20 старых и по 25 современных лексем): (ст.-бел. *дойти* > совр. бел. *дайсіці*; совр. укр. *дійти* 'понять'; ст.-бел. *вывести* 'доказать' [*правду правдою вывести*] > совр. бел. *вывесці*, совр. укр. *вивести* 'сделать вывод').

Взаимосвязь этих сфер объясняется ассоциированием мысли, узнавания, изучения с непосредственным перемещением в пространстве – роль пространственной метафоры как основного способа номинации информационных, когнитивных, эмоциональных, социальных концептов общеизвестна.

Когнитивная деятельность может метафорически описываться и как движение, и как физическая деятельность. Среди обозначений интеллектуальных процессов и действий немало таких, которые развили это значение на базе семантики физического действия (20 лексем старобелорусского языка, 30 современных белорусских и 27 украинских лексем), например: ст.-бел. *будовати* 'воспитывать, образовывать' (*Хто языками мовит самого себе будуетъ* – МАК, 64 [Булыка, 1983, с. 236]); совр. бел. *распрацаваць*, совр. укр. *розпрацювати*, *розробити*, *опрацювати* 'разработать', *адкапаць* совр. укр. *відрити* 'узнать'.

Перенос характеристик из одной концептуальной области в другую – известное в семантике и неоднократно описанное явление (см., например, Яворская, 1992). «Когнитивные» обозначения с исходной семантикой физической характеристики имеют сходную степень распространенности на всех этапах развития языка (15 лексем в старобелорусском языке, 25 современных белорусских и 21 украинская лексема). Чаще всего они являются базой для той или иной умственной характеристики: ст.-бел. *мелкий* > совр. бел. *мелкі*; совр. укр. (некрупный) *дрібний*, (неглубокий) *мілкий*; ст.-бел. *глубокий* > совр. бел. *глыбокі*; совр. укр. *глибокий*; ст.-бел. *пустый* > совр. бел. *пусты* (о человеке, разуме); совр. укр. *порожний*, *пустий*; ср. совр. рус. *глубокий ум*, *мелкие интересы*, *пустая голова*, *пустая статья*.

Сфера физиологии человека также служит мотивацией для интеллектуальных характеристик (5 старобелорусских, 7 современных белорусских и 5 современных украинских лексем). Наиболее часты здесь такие модели семантического развития, как '(отрицательная/ положительная) физиологическая характеристика' → '(отрицательная/ положительная) интеллектуальная характеристика': совр. бел. *празарлівы*; совр. укр. *прозорливий*, *прозирливий* ← ст.-бел. *прозорливый* 'мудрый' ← 'зоркий, имеющий хорошее зрение' (ср. совр. рус. *прозорливый*); ст.-бел. *глупый*, связанное чередованием гласных с *глухой* (Фасмер, 1986, с. 416); совр. бел. *блізарукі* 'недальновидный, неразумный' ← 'плохо видящий вдали'; совр. укр. *короткозорий*; совр. бел. *недалужны* 'глупый, простоватый' ← 'слабый, хилый'. На современном этапе развития восточнославянских языков такой способ обозначения умственных характеристик широко используется, во-первых, в рамках общей тенденции перенесения характеристик из одной концептуальной сферы в другую, а во-вторых, в связи с тем, что рассмотренные семантические переносы «вписываются» в концептуальную метафору «разум – живой организм» (см. Lakoff, 1999).

К наименованиям, образованным путем переноса на базе физиологической характеристики, примыкают метонимические номинации 'орган мышления' → 'разум' (5 старобелорусских и по 10 современных белорусских и украинских лексем), такие как ст.-бел. *голова*, *безглавный*, *мозгъ*; совр. бел. *галава*, *безгалавы*, *галавасты*, *глузд*, *бязглузды*, *кепелі*, *вузкалобы*; совр. укр. *голова*, *безголовий*, *головатий*, *твердолобий*.

«Интеллектуальные» обозначения, мотивированные семантикой социальной сферы, довольно многочисленны, но трудно систематизирова-

емы (20 старобелорусских, 12 современных украинских и 15 белорусских лексем). Среди них консолидирована группа лексем, развивших «когнитивное» значение на базе семантики обладания, овладения: наиболее часто значение ‘иметь, овладевать’ мотивирует значение ‘понимать’, ‘узнавать’, ‘запоминать’. О таком семантическом развитии существует ряд работ; итог подведен в статье Анны Зализняк *Семантическая деривация в синхронии и диахронии* (Зализняк, 2001, с. 4). См. совр. бел. *схопліваць*, совр. укр. *схоплювати*; рус. *схватывать* ‘понимать’ (укр. *Він легко схоплює новий матеріал*; рус. *Он легко схватывает новый материал*); совр. бел. *вынесці*, совр. укр. *винести*, рус. *вынести* ‘узнать’ (рус. *Что ты вынес из этого урока? Из этой книги? укр. Що ти виніс з цього уроку? З цієї книги?*).

Связь концептосфер «речь» и «когнитивная деятельность» показывает, что в наивно-языковом сознании способность говорить тесно связана со способностью мыслить, причем на всех этапах развития восточнославянских языков (15 старобелорусских и по 15 современных белорусских и украинских лексем). Значением говорения мотивированы разные интеллектуальные обозначения, причем в старобелорусском языке они более разнообразны. Наиболее распространенным семантическим переносом является ‘говорить, сообщать’ → ‘доказывать’: ст.-бел. *доказати* > совр. бел. *даказаць*; совр. укр. *довести, доказати*; ст.-бел. *выказовати* и др. Данные лексико-семантические поля («говорение» и «интеллектуальная деятельность») имеют значительные области пересечения, например: глаголы знания относятся к интеллектуальной сфере, а их каузативы – глаголы информации – принадлежат сфере говорения.

Христианское мировоззрение привнесло в интеллектуальную лексику возможность пополняться за счет обозначений света (10 лексем в старобелорусском языке, 15 современных белорусских и 11 украинских лексем). Употребление таких старобелорусских глаголов, как *осветити, просветити* в значении ‘научить, дать образование’ восходит еще к древнерусскому периоду. Метафорическое употребление данных глаголов было привнесено переводами религиозной литературы (в старобелорусском языке как через древнерусский с греческого, так и через польский или прямо из латинского). Такое метафорическое употребление позже переместилось в сферу науки, искусства, образования, культуры в целом. Идеи Просвещения распространились в Великом княжестве Литовском раньше, чем на Руси. Обозначение понятий «просвещать», «просвещение», «просветительство» осуществля-

лось здесь при помощи дериватов заимствованного из латыни корня *educ-*. По этой причине элемент просветительства, просвещения в современных белорусских и украинских глаголах света ослаблен, а наличие тех или иных переносных значений во многом обусловлено развитием соответствующих польских или русских слов. В белорусском языке особенно много русизмов. Однако поскольку обозначения света тесно связаны с семантикой зрительного восприятия и с метафорическим переносом характеристики из одной понятийной сферы в другую, то «когнитивные» обозначения, мотивированные семантикой света, не ограничиваются сферой просвещения. Помимо приведенных выше примеров, где развитие значения ‘учить, просвещать, давать образование’ обусловлено влиянием классических языков, семантические переносы ‘хорошо освещенный, хорошо видный’ > ‘понятный’, ‘плохо освещенный, плохо видный’ > ‘непонятный’ реализуются в следующих случаях: совр. бел. *муціць* < ст.-бел. *мутити, туманіць* ‘запутывать, делать непонятным’; совр. укр. *мутити, баламутити*; совр. бел. *праясніць*, совр. бел. *выясніць* < ст.-бел. *выяснити*; ‘прояснить, сделать понятным’; совр. укр. *вияснити, з’ясувати*; совр. бел. *высветліць* ‘узнать’; совр. укр. *висвітлити*; совр. бел. *мутны*, совр. укр. *мутний*, совр. бел. *цёмны*, совр. укр. *темний, затемнений* ‘неясный’ (перен.) < ст.-бел. *тёмный* ‘непонятный’ (отрицательная характеристика разума); совр. бел. *ясны*; совр. укр. *ясний, виразний* < ст.-бел. *ясный* ‘понятный’ (положительная характеристика разума).

Анализ моделей мотивации «когнитивной» лексики в «простой мове» и в современных белорусском и украинском языках позволяет убедиться, во-первых, что эти модели крайне редко имеют единичные реализации, а во-вторых, что они сохраняются на протяжении разных этапов развития языка.

	ст.-бел.	бел.	укр.
восприятие органами чувств	50	50	50
психо-эмоциональная сфера	15	35	39
физическая деятельность	20	30	27
движение	20	25	25
физическая характеристика	15	25	21
социальная сфера	20	12	15
физиология	10	17	15
речь	15	15	15
свет	10	15	15

Изучение способов мотивации слов с семантикой когнитивных процессов, явлений и характеристик в старобелорусском и современных белорусском и украинском языках показывает, что такие обозначения образованы преимущественно различными семантическими переносами. Те же выводы релевантны и для русского языка на разных этапах развития.

Концептуальные сферы – источники пополнения «когнитивных» обозначений – не уникальны. Многие из названных семантических переносов характерны и для других языков, например западнославянских или германских, которые мы также исследовали с этой точки зрения. Специфика восточнославянских языков на разных этапах развития – в степени наполненности групп и распространенности тех или иных способов обозначения.

Идея конкуренции разных способов концептуализации при номинации понятий одной и той же концептуальной области-цели впервые была высказана в рамках теории метафоры. «Метафоры предлагают лишь частичное описание и объяснение концептуальной области-цели, причем некоторые аспекты проявляются, а некоторые затеваются. Именно в фокусировании разница между альтернативными метафорами, обслуживающими одну и ту же область-цель», – пишет Олаф Йекель (Jäkel, 1997, сс. 2–3). В частности, Дж. Лакофф в работе *Система метафор разума и концептуальная система аналитической философии* полагает, что при описании разума используются конкурирующие метафоры «разум – это тело», «мышление – это язык», «мышление – это вычисление», «разум – это механизм» (Lakoff, 1999).

Тот же постулат (независимо от исследований концептуальной метафоры) был сформулирован в рамках когнитивной диахронической ономазиологии. Эта область лингвистики исходит из того, что исследование процессов номинации – ее этапов, особенностей, закономерностей – помогает понять механизмы вербального мышления. Т. е. с теорией метафоры когнитивную диахроническую ономазиологию объединяет не только идея о конкуренции разных способов концептуализации одной и той же области-цели, но и обращение к диахронии языковых явлений в поисках объяснения фактам языка.

Диахроническая проекция ярко высвечивает системность устойчивых моделей концептуального, а следовательно, и семантического развития. Соотносительное количество номинаций, образованных по той или иной модели, пропорционально активности этой метафоры в синхронии, в коммуникации, при порождении речи. Мы не проводили подсчетов в речи на современных восточнославянских языках высказываний,

основанных на каком-либо из рассмотренных выше устойчивых семантических переносов. Однако распространенность таких высказываний несомненна. В таблице представлены примеры рассмотренных выше моделей метафоризации в современных восточнославянских языках.

Семантическая сфера – источник	Бел.	Укр.	Рус.
Восприятие органами чувств	Пункт гледжання Пачуццё мовы Увесці ў вушы	Бачити наскрізь Ти мене не чуеш	Грызть науку Чувство языка Восприимчивый к знаниям
Психо-эмоциональная сфера	З глузду з’ехаць Блэкату аб’есціся	З дахом не сябрувати	У кого-н. глюки Белены объесться
Движение	Вярнуцца да папярэдняй думкі Прасунуцца ў вывучэнні чаго-н.	Поглиблювати знання Проходити матеріал Спадати (спливати) на думку кому-н. Запасти в голову	Извлечь урок Углубиться в чтение Приходить в голову кому-н.
Физическое действие	Закапацца ў дробязях Разбіраць звесткі Не сячы ў чым-н. Убіць у галаву Удзяўбці ў сьвядомасць	Розібрати почерк Розплутати проблему Заплутати справу Нарити матеріалу	Разбираться в чем-н. Разобрать почерк Распутывать проблему Запутать дело Работать над чем-н. Нарыть сведений
Физическая характеристика	Гнуткі розум Непад’ёмны матэрыял Хто-н. заповолены	Гнучкий розум Швидкий розум Швидко (легко) засвоювати	Гибкий ум Неповоротливый ум Кто-н. заторможенный
Физиология, орган мышления	Дах знесла Не вараць мазгі ў каго-н. Кепікаў не хапае	Дурити голову Уставити клепку	Пудрит мозги Вправить мозги Крыша поехала Мозги набекрень
Социальная сфера	Атрымаць звесткі	Він багато бере на заняттях Винести досвід	Жадный к знаниям
Речь	Гаварыць на розных мовах	Читати думки	Много букв
Свет	Каго-н. азарыла Прасвятленне розуму	Проблиск розуму Справа ясна	Полный мрак Светлая голова

Уверенность в экспланаторной силе диахронии характерна не только для когнитивных программ лингвистических исследований. Об этом в последние десятилетия настойчиво говорят представители русской семантической школы. Основные идеи, высказанные в рамках такого подхода к языку, суммированы в статье Анны Зализняк:

Синхронная полисемия – это проекция диахронического развития на синхронную плоскость; развитие значения слова не может не отражаться на его современной семантике; изучение прошлого слова помогает в уяснении закономерностей его функционирования, сочетаемости, употребления; отказ от привлечения исторических данных обедняет синхронное семантическое исследование (Зализняк, 2001, сс. 2–3).

Таким образом, история слова и лексико-семантической группировки обуславливает и объясняет:

- 1) словообразовательную структуру и современную семантику данной лексемы;
- 2) структуру значений данной лексемы в случае ее многозначности;
- 3) коммуникативные характеристики данной лексемы – сочетаемость и особенности употребления.

Библиографія

- Білодід, І. К. (Ed.). (1970–1980). *Словник української мови* (Vols. 1–11). Київ: Наукова думка.
- Булыка, А. М. (Ed.). (1982–2017). *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* (Pt. 1–37). Мінск: Беларуская навука.
- Булыка, А. М. (Ed.). (1983). *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* (Pt. 2). Мінск: Беларуская навука.
- Гринчишин, Д., Захарків, О., Керницький, І., et al. (1994–2017). *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.* (Pt. 1–17). Львів: Інститут українознавства імені І. Крип'якевича НАН України.
- Гумецька, Л. Л., & Керницький, І. М. (Eds.). (1977–1978). *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* (Vols. 1–2). Київ: Наукова думка.
- Евгеньева, А. П. (Ed.). (1981–1984). *Словарь русского языка* (Vols. 1–4). Москва: Русский язык.
- Зализняк, А. А. (2001). Семантическая деривация в синхронии и диахронии: Проект «Каталога семантических переходов». *Вопросы языкознания*, 2001 (2), 13–25.

- Крапіва, К. (Ed.). (1977–1984). *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы* (Vols. 1–5). Мінск: Навука і тэхніка.
- Тимченко, Є. (Ed.). (1930–32). *Історичний словник українського язика* (Pt. 1–2). Київ: Держ. вид-во України.
- Трубачев, О. Н. (1959). *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. Москва: Издательство АН СССР.
- Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка* (О. Н. Трубачев, Trans. & Suppl.) (Vol. 1). Москва: Прогресс.
- Фасмер, М. (1986–1987). *Этимологический словарь русского языка* (О. Н. Трубачев, Trans. & Suppl.) (Vols. 1–4). Москва: Прогресс.
- Яворская, Г. М. (1992). *Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии*. Киев: Наукова думка.
- Jäkel, O. (1997). *How can mortal man understand the road he travels? Prospects and problems of the cognitive approach to religious metaphor*. Duisburg: L.A.U.D.
- Lakoff, G. (1999). The system of metaphors for mind and the conceptual system of analytic philosophy: A study of the metaphorical constraints on philosophical discourse. In B. A. Fox, D. Jurafsky, & L. A. Michaelis (Eds.), *Cognition and function in language* (pp. 51–71). Stanford, CA: CSLI.

Bibliography (Transliteration)

- Bilodid, I. K. (Ed.). (1970–1980). *Slovník ukraïns'koï movy* (Vols. 1–11). Kyïv: Naukova dumka.
- Bulyka, A. M. (Ed.). (1982–2017). *Histarychny sloŭnik belaruskai movy* (Pt. 1–37). Minsk: Belaruskaiia navuka.
- Bulyka, A. M. (Ed.). (1983). *Histarychny sloŭnik belaruskai movy* (Pt. 2). Minsk: Belaruskaiia navuka.
- Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1981–1984). *Slovar' russkogo iazyka* (Vols. 1–4). Moskva: Russkii iazyk.
- Fasmer, M. (1986). *Ėtimologicheskii slovar' russkogo iazyka* (O. N. Trubachev, Trans. & Suppl.) (Vol. 1). Moskva: Progress.
- Fasmer, M. (1986–1987). *Ėtimologicheskii slovar' russkogo iazyka* (O. N. Trubachev, Trans. & Suppl.) (Vols. 1–4). Moskva: Progress.
- Hrynchyshyn, D., Zakharkiv, O., Kernyts'kyi, I., et al. (1994–2017). *Slovník ukraïns'koï movy XVI – pershoï polovyny XVII st.* (Pt. 1–17). L'viv: Instytut ukraïnoznavstva imeni I. Kryp'iakovycha NAN Ukraïny.
- Humets'ka, L. L., & Kernyts'kyi, I. M. (Eds.). (1977–1978). *Slovník staroukraïns'koï movy XIV–XV st.* (Vols. 1–2). Kyïv: Naukova dumka.
- Iavorskaia, G. M. (1992). *Leksiko-semanticheskaia tipologiia v sinkhronii i diakhronii*. Kiev: Naukova dumka.

- Jäkel, O. (1997). *How can mortal man understand the road he travels? Prospects and problems of the cognitive approach to religious metaphor*. Duisburg: L.A.U.D.
- Krapiva, K. (Ed.). (1977–1984). *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj movy* (Vols. 1–5). Minsk: Navuka i tĕkhnika.
- Lakoff, G. (1999). The system of metaphors for mind and the conceptual system of analytic philosophy: A study of the metaphorical constraints on philosophical discourse. In B. A. Fox, D. Jurafsky, & L. A. Michaelis (Eds.), *Cognition and function in language* (pp. 51–71). Stanford, CA: CSLI.
- Trubachev, O. N. (1959). *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejšikh terminov obščestvennogo stroia*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Тымченко, І. (Ed.). (1930–32). *Istorychnyj slovnyk ukraïns'koho iazyka* (Pt. 1–2). Kyïv: Derzh. vyd-vo Ukraïny.
- Zalizniak, A. A. (2001). Semanticheskaia derivatsiia v sinkhronii i diakhronii: Proekt “Kataloga semanticheskikh perekhodov”. *Voprosy iazykoznaviia*, 2001(2), 13–25.

Motivation Models of the Names of Intellectual Processes and Properties (on the Material of East Slavic Languages)

Summary

This article offers an analysis of motivation models of the names of intellectual processes, properties and states in East Slavic languages at different stages of their development. Focusing on the Belarusian and Ukrainian material, the study adopts the approach of diachronic cognitive onomasiology, according to which the study of nomination processes helps to understand mechanisms of verbal thought. The analysis revealed source frames of the names of cognitive activity: perception, psycho-emotional sphere, space, movement, physical activity, physical characteristics, social sphere, physiology, speech activity and light. The relative number of nominations formed by a particular model is proportional to the use of the corresponding metaphor in communication. Modern East Slavic languages are very similar in terms of their nomination models of cognitive processes, properties and states. However, differences between modern Belarusian and Ukrainian on the one hand, and the language of the Grand Duchy of Lithuania on the other, are more significant.

Modele motywacyjne nazw procesów i właściwości intelektualnych (na materiale języków wschodniosłowiańskich)

Streszczenie

Artykuł przedstawia analizę modeli motywacyjnych nazw procesów, właściwości i stanów intelektualnych w językach wschodniosłowiańskich na różnych etapach ich rozwoju. Skupiając się na materiale białoruskim i ukraińskim, analiza przyjmuje podejście kognitywnej onomazjologii diachronicznej, zgodnie z którym badanie procesów nominacji pomaga zrozumieć mechanizmy myślenia werbalnego. Analiza wykazała ramy źródłowe nazw aktywności poznawczej: percepcji, sfery psycho-emocjonalnej, przestrzeni, ruchu, aktywności fizycznej, cech fizycznych, sfery społecznej, fizjologii, aktywności mowy i światła. Liczba nominacji utworzonych na bazie określonego modelu jest proporcjonalna do częstotliwości użycia odpowiadającej mu metafory w komunikacji. Współczesne języki wschodniosłowiańskie są bardzo podobne pod względem modeli nominacji procesów, właściwości i stanów poznawczych. Natomiast różnice pomiędzy współczesnym językiem białoruskim i ukraińskim z jednej strony, a językiem Wielkiego Księstwa Litewskiego z drugiej, są bardziej znaczące.

Keywords: cognitive linguistics; diachronic linguistics; historical semantics; motivation

Słowa kluczowe: językoznawstwo kognitywne; językoznawstwo diachroniczne; semantyka historyczna; motywacja

---

Alena Rudenka, Belarusian State University, Minsk
Correspondence: alena@rudenka.com

The preparation of this article was financed by the author.

Competing interests: The author declares that she has no competing interests.